

РОССИЯ

04
2016

НАСЛЕДИЕ

МАНУЭЛЬ НУНЬЕС-ЯНОВСКИ АРХИТЕКТОР – ПОЛИТИК, ЭКОНОМИСТ, ФИЛОСОФ

Россия.Наследие пообщался с уникальным современным архитектором и экономистом – Мануэлем Нуньес-Яновски. Урбанист, член Королевской академии изящных искусств имени Святого Георгия в Барселоне, кавалер ордена Святого Лазаря Иерусалимского (Бельгия). Родился в Самарканде, детство провёл в Одессе, отрочество в Испании. Творчески и профессионально состоялся во Франции.

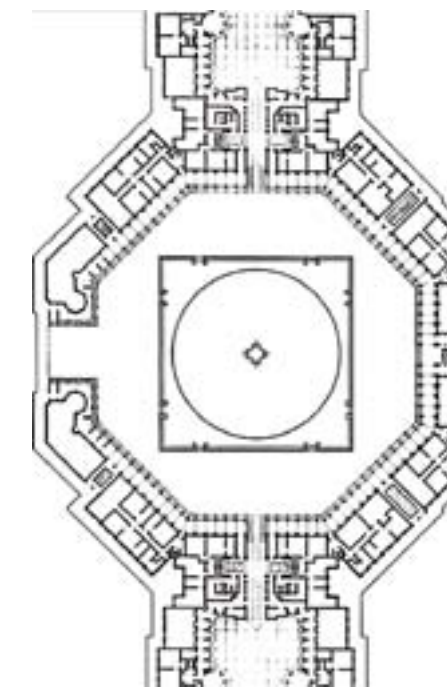
Р.Н.: В каком возрасте Вы уехали в Испанию с родителями?

М. Н.-Я.: В 14 лет. Я закончил семилетку, поступил в техникум. Папу выпустили из лагерной тюрьмы, реабилитировали. 58 статья УК – «враг народа», шпион-испанец. Мы могли вернуться восвояси.

Р.Н.: Он из той волны эмигрантов в СССР, о которой так замечательно рассказано в фильме Тарковского «Зеркало».

М. Н.-Я.: После гражданской войны в Испании, которая закончилась в 1939 году многие республиканцы приплыли на военных кораблях в СССР, попросили политическое убежище. Когда началась атака на СССР в 1941 году, они добровольно пошли на фронт. С войны папа вернулся героем, а в 1949-м его посадили. Я помню День Победы, когда они стреляли у нас на балконе. Просто в 1949 году кому-то надо было посадить очередного испанца, кто-то добивался чего-то. Когда в 2001 – 2002 годах работал над темой генплана Астаны для Казахстана, для Назарбаева, то встретился с генеральным секретарём компартии Казахстана. Он прочитал

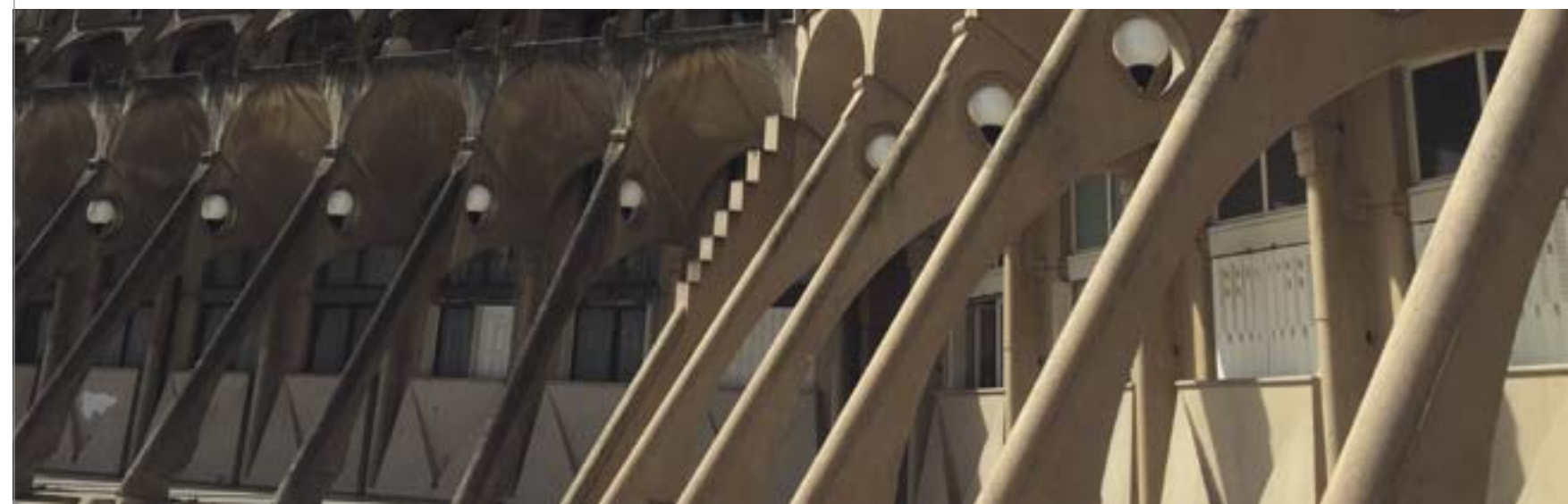
Жилищно-общественный комплекс «Плас Пикассо». Большой Париж. Архитектор Мануэль Нуньес-Яновский

моё интервью, после чего нашёл меня в Астане и пригласил пообщаться. И мы поболтали с ним немножко. И этот человек сказал мне, что у Сталина не было выбора между «хорошим и плохим», у Сталина был выбор между «плохим и жутким».

Р.Н.: Мы ушли от темы Ваших проектов.

М. Н.-Я.: Даже если вы строите одно здание, вы должны вписать его в городскую среду. Советские архитекторы были высоко грамотными людьми. Эти были ребята, которые получали по 200 рублей в институтах. Я их знаю. Это мои сверстники, которым по 60 с чем-то, по 70 с чем-то лет. Это замечательное поколение, которое родилось во время Великой Отечественной войны, они помнят эту страшную разруху. Я её тоже помню – это моё детство. Когда меня привезли из Самарканда, мне было два с половиной, почти три годика. Когда мы приехали в Одессу, сошли с поезда, то этот город я запомнил на всю жизнь. Разрушенная Одесса после спектакля войны: калеки без рук, без ног, старухи, дети, разруха. У нас есть такое понятие «Дантеско». Данте писал «Ад». Тем не менее, мой отец часто говорил, что у него нет никаких претензий к СССР, потому что страдал весь народ, все люди были погружены в страшную послевоенщину, где нужно было реконструировать государство и

Жилищно-
общественный
комплекс
«Плас Пикассо»

воспитывать новое поколение. Новое поколение очень правильно воспитано. Эти люди воссоздавали Дантевское или как? Мы, будучи первоклассниками, второклассниками, рыскали по руинам, искали осколки гранат, куски чего-то. Мы росли в военной атмосфере, поэтому военное было для нас очень близко. К сожалению, я не стал военным, потому что Нахимовское училище тогда уже закрыли.

Р.Н.: А чем занималась тогда
Ваша мама?

М. Н.-Я.: Моя мама экономист. Мы часто ходили в оперный театр, тогда старались хорошо одеваться. Помню, как на сцене давали «Бориса Годунова» с замечательными декорациями Москвы-града того времени. Мы после спектакля выходили на улицу Карла Маркса – разрушенная, чёрный снег. Контраст театральных перспектив. Мой друг Володя Пахомов был сыном советского губернатора, главы облисполкома. Он был лысым и как все чиновники носил чёрное пальто, ездил на чёрной казённой «Победе» с водителем. Чёрная шляпа и круглые очки. Мы между нами его называли «Берией». Вовка стал талантливым режиссёром. Работал в Липецке в академическом театре имени Льва Толстого до конца своей жизни.

О несостоявшемся в 1986 году проекте свободных экономических зон СССР.

Р.Н.: Расскажите о своём первом опыте работы на родине.

М. Н.-Я.: Это было в середине 80-х. Ко мне обратился один хороший знакомый, почти друг, – советский дипломат Владимир Петровский. Он работал у Шеварднадзе. Был тогда специалистом по Западной Европе. Мы с ним встретились сначала в Москве. Он жил на Патриарших прудах. Горбачёв должен был быть в Париже, и было бы неплохо, если бы я предложил ему что-нибудь, как человек, который знает СССР, что-нибудь такое на этот перестроечный в государстве момент. В то время я уже занимался свободными экономическими зонами потому, что меня очень удивили экономические показатели, по которым я понял, почему Америка владеет рыночной экономикой. День начинается в Токио и заканчивается как бы в Нью-Йорке. Я начал читать экономическую литературу и столкнулся с тем, что Америка, которая в 1945 году, по окончании Второй мировой войны, имела две экономические зоны, а в 60-х годах дошла до серьёзных показателей. А к 1980-м у них было около ста с лишним свободных экономических зон на территории США. И каждая зона имела свои разветвления внутри территории США и вне территории США. И я понял, что работает огромный экономический маховик, потому что свободная экономическая зона по закону разрешает все ходы.

Р.Н.: Вам предложили поработать в области экономики или Вас попросили что-то спроектировать?

М. Н.-Я.: Архитекторы и градостроители всегда привязаны к политике и экономике, без которой не существует ни градо-

строительства, ни архитектуры. Я всегда говорю студентам, что слово «политикус» (греческое) означает строительство города. Политики – это люди, строившие города, а города – некие политико-экономические единицы, которые в греческой идиосинкразии были, между прочим, точечными. В СССР была макроэкономическая и политическая культура. Были специалисты, которые очень хорошо понимали, о чём идёт речь. Новое поколение понимает, как это можно организовать в капиталистическом ракурсе. Мы создаём свободную экономическую зону что-то вроде Диснейленда. В конце концов, свободно-экономическая зона имеет свой внутренний режим. Как например, парижский Диснейленд.

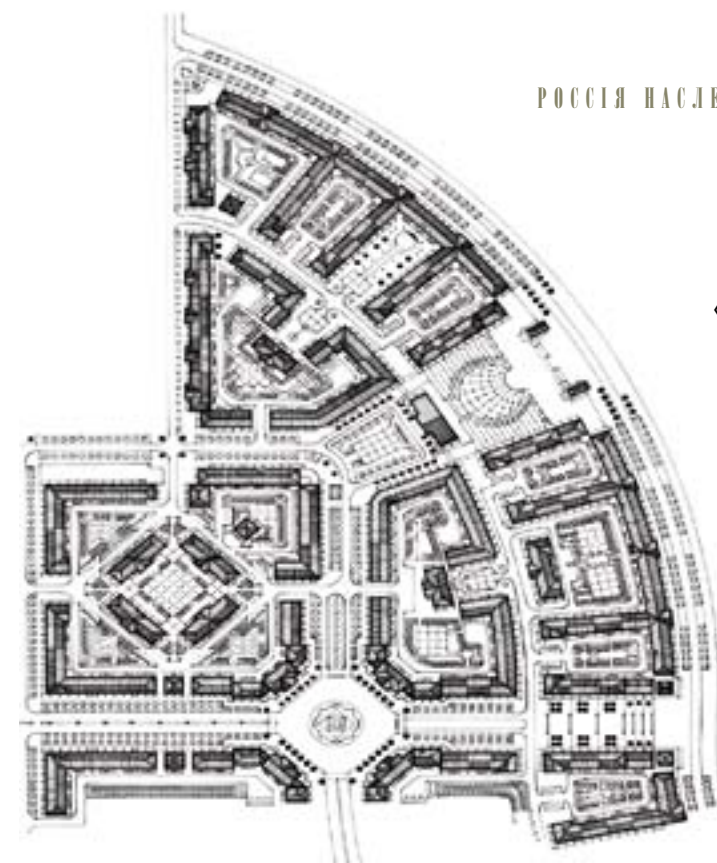

Жилой комплекс «Вальден 7» в Барселоне

Р.Н.: В искусстве это уже было. Бэнкси построил альтернативный Диснейленд.

М. Н.-Я.: Правильно. Но есть колючая проволока вокруг. Также как в Гуантанамо на Кубе американская база имеет колючую проволоку. Значит эта зона exsertion. Это дало бы Горбачёву хотя бы временную передышку для того, чтобы понять, что такое рыночная экономика. Она была. Был небольшой всплеск в 1920-х – это НЭП. Но это был внутренний всплеск, внутрисоветский. Но, увы, та идея «завяла». Шеварднадзе дико рассмеялся и сказал: «Нуньес будет учить нас политэкономике».

Жилой район «Новый Севастополь».

Микрорайон на 6000 квартир и социальное обслуживание.

Проект в бухте Омега в Севастополе

рассказал свою философию: «Представьте себе: каждая из этих сборных деталей будет иметь размер панелей, и с этими панелями А, Б, В, Г и т.д. мы сможем собирать замечательное здание вашего социализма. В данном случае под севастопольский стиль, потому что у Севастополя свой стиль. Потому что конструкция, которую заказал Сталин в 1944 году, была с небольшими элементами ампира. Стиль грамотный и правильный, но без претензий, трёх-четырёхэтажный – человеческих масштабов. Нет ничего давящего, нет этих коробок». И это мы предложили в этой бухте Омега. Шесть с чем-то тысяч квартир – первый этап строительства. Мы предложили планы, расчёты, и это их,

О севастопольском проекте архитектора в бухте Омега 1988 - 1991 гг.

М. Н.-Я.: В те годы перестроечные был мой первый контакт с СССР, который вылился, в конце концов, в то, что нам предложили участвовать в конкурсе проектов для советского Севастополя. Это был 1988 год. Мы выиграли конкурс на проектирование микрорайона в бухте Омега в Севастополе с передачей французской технологии – сборного железобетонного строительства, то, что я называю «архитектурный железобетон». Не просто эти страшные панельные штуки, которые строились в советские времена. В конце концов, есть какая-то номенклатура деталей, которая позволяла в сталинские времена сделать А, Б, В, Г и с этими тремя – четырьмя блоками собрать здание. Сталинская постройка она штучная полукирпичная, но панели больше. Моя философия очень простая. Мы выиграли конкурс потому, что я говорил по-русски – я был понятней для советских чиновников, чем остальные конкуренты. Я им

конечно, очень соблазнило. И мы пошли на подписание договора. Начали строить завод, делать проект микрорайона.

Р.Н.: Строили в советское время «для людей» и рабочие места и жильё рядом.

М. Н.-Я. Это было правильно, это было красиво. Что было интересно для меня: Севастополь тоже имел какой-то свободный экономический статус – колючая проволока вокруг. Почему? Потому что город был вне Крыма, вне Украины. Он был советским, он принадлежал непосредственно Кремлю, военно-морская база и т.д. Принцип свободных экономических зон

работает. Вы огораживаете территорию и говорите, что эта территория не подлежит налогу Москвы, или Нью-Йорка, или Вашингтона и т.д. Всего лишь, а потом вы делаете столько правил, сколько вам надо. Это как музыка Баха. Почему Баха считают таким творческим композитором? Потому что он создавал правила и создавал для них исключения. Было не столько правил, сколько исключений. То, что мы предлагали советскому государству – это исходную акупунктуру советскую, которую можно размножить на другую феноменологию, более обширную, более открытую, уже не обязательно на границах республик. Можно внутри каждой республики делать что-то подобное. Например, мы хотим, чтобы немцы прилетели сюда и развивали, например, в Тольятти машинную индустрию вместе с заводом.

Р.Н.: А свободные экономические зоны в СССР должны были быть частными?

М. Н.-Я. В нашем случае контроль над свободно-экономическими зонами должен был быть паритетным, чтобы обе стороны следили за тем, дабы не брали взятки. На самом деле всё началось тогда, когда я познакомился с Шеварднадзе. А всё потому, что в 1983 году я появился в СССР в очередной раз, думая, что пришёл момент. Я уже что-то знаю, я уже работал во Франции. Я уже строил мой первый большой объект – это площадь Пикассо в Париже. Он мне дал технические крылья для того, чтобы я понял, что я предлагаю индустриальное, экономическое – это может заинтересовать СССР. На самом деле я шёл к этому очень давно. Я сам себе говорил, если я когда-нибудь смогу осилить индустрию сборного железобетонного строительства, я могу прилететь в СССР и положить на стол проект. Я добился этого в Испании и потом во Франции. И вот когда во Франции пошло моё первое строительство, мой большой, интересный про-

Апарт-отель Мурайя Роха,
Кальпе, Испания

ект, который принёс международную славу – вот тогда я прилетел в Москву. И встретился со своими друзьями, прежде всего, архитекторами. Они меня везде водили, со всеми знакомили. И когда я представлялся, то с интересом спрашивали: «А ты кто?», на что я отвечал, что у меня маленькая фирма, всего-то сорок пять человек. А в ответ слышал: «Как ты будешь говорить со мной? У меня фирма СССР!».

Попытка
вернуться
в СССР

Р.Н.: Ваши юношеские
впечатления об Испании?

М. Н.-Я.: Я видел реакцию испанок и испанцев, которые приехали с нами из СССР. В течение двух лет половина вернулась в СССР. Другие там женились, вышли замуж уже в Испании, расплодился, потом эмигрировали снова в СССР. Когда мы приехали в Испанию в 1957 году, то осознали, что Испания сродни средневековому государству. Тёмная страна, чёрная страна. Даже в СССР, несмотря на разруху, были школы. Детей воспитывали правильно, а в Испании никто так не делал. Когда мне было восемнадцать лет, я бежал из Испании через Францию, я хотел добраться до СССР, потому что хотел заниматься театром. У папы были другие планы. Папа хотел, чтобы получился инженер. Я устал и ушёл из дома. Вышел на дорогу. Ну, наверное, нужно, чтобы было восемнадцать лет, чтобы без денег, без документов... Автостопом махнул и добрался до Парижа.

Р.Н.: Из Испании ближе,
чем из Одессы.

М. Н.-Я.: Мне потом уже дедушка рассказал, что кэгебэшники пришли к нему домой в Одессе и сказали, что внук находится в Париже. Бабушка отказалась меня принять. Она была мачехой моей мамы и так решила, чтобы сохранить нашу семью. Потому что, если бы мы с матерью приехали обратно в Одессу, то отец никогда бы не согласился вернуться в СССР и остался бы в Испании. Так что меня вернули обратно, вернее, я сам вернулся после того, как сказали в советском консульстве, что «хода нет». Я вернулся в Испанию. И тогда я уже сказал себе, если в СССР меня не хотят, я тоже не хочу их. Я решил стать испанцем. Кэгебэшники, с которыми я пообщался в Париже, были очень деликатными, дали мне денег. Во Франции была очень сложная ситуация. Это был 1961 год – готовился алжирский путч. И Париж был взят армией. Они сказали, что им сложно было вывезти меня отсюда. Была опасность потерять престиж. Я не поверил, что СССР не может меня вывезти из Парижа. Я был пацаном. Если моя семья отказалась от меня, то перспективы в СССР был бы детский дом, рабфак или что-то в этом духе. В общем, мне так сказали. У меня были очень трудные, но правильные отношения с СССР. И я понимал прекрасно, что я СССР не нужен даже как почётный гражданин. Но как техник, как специалист! И это было уже доказано, но, к сожалению, поздно. Это был 1988 год, когда я выиграл конкурс в Севастополе. Вплоть до 91 года мы сделали проект, получили разрешение, построили завод. Выпустили первые образцы.

Р.Н.: Образцы материалов?

М. Н.-Я.: Огромные железобетонные панели, выпущенные по моему проекту. Аркады, колоннады и т.д. В Севастополе здание сохранилось. Я был очень растроган, когда увидел работу, сделанную мною в 1991 году. И я рассказывал об этом на градсовете в Севастополе в 2014 году, когда представил заново проект. И кто-то атаковал меня, мол, железобетон, какая дрянь. И я предложил отправиться на руины этого завода и посмотреть: на сегодняшний день там нет ни одного подтёка, там ни кусочка бетона не отвалилось. Они валяются на полу, по ним ездят грузовики. Эти вещи, которые были сделаны там, в них было заложено что-то правильное и инте-

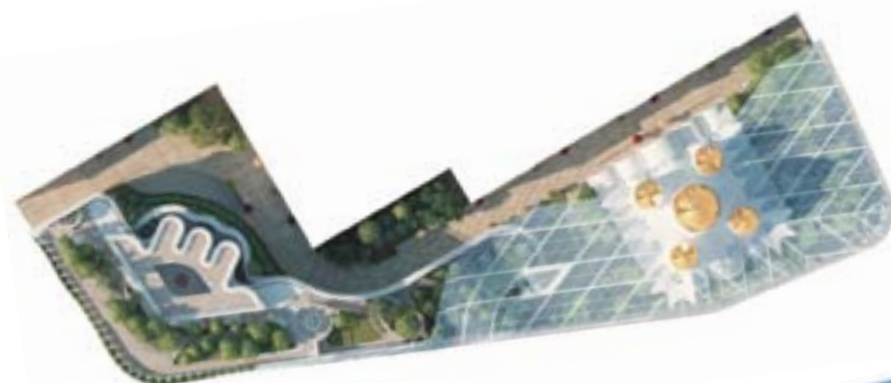
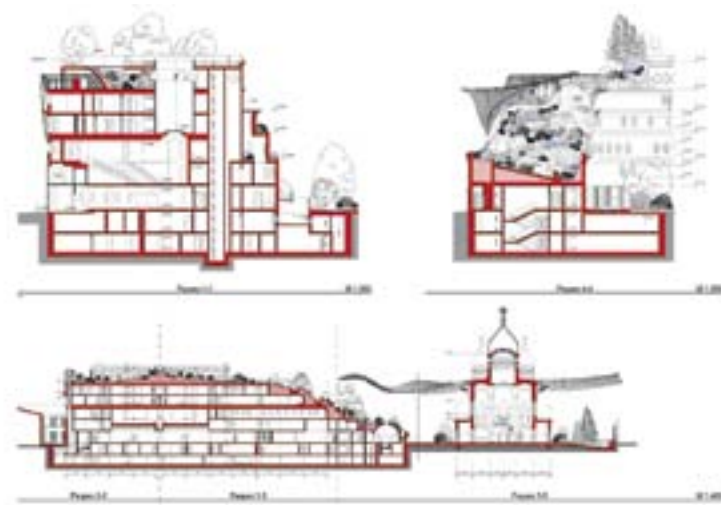
Свято-Троицкий собор
и русский
духовно-культурный центр.
Большой Париж.
Проект

О проекте
«Русский храм
в Париже»
и отношении
к религии

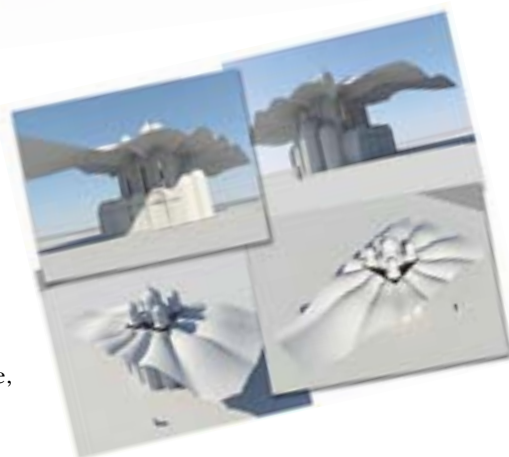
Р.Н.: Расскажите о проекте,
который Вы делали для РПЦ.
Русский храм в Париже?

ресное для города Севастополя, для СССР. Тоже я предложил России в 2014 году. Мой друг загорелся этой идеей, потому что мы осуществляли схожий проект в Гурзуфе в 2005–2007 годах. Маленькое производство. Он построил маленький частный проект и вернуться в Севастополь.

М. Н.-Я.: Путин хотел этот проект. Он поверил французам, которые предложили провести конкурс. Не ядовитый, без коррупции. И выиграл наш проект! Было международное жюри франко-русское, которое выбрало проект. Из четырёхсот с чем-то... Но произошли политические изменения, Саркози в 2012 году ушёл.

Русский
духовно-культурный центр.
Большой Париж.
Проект

Пришёл новый президент – социалист, и новым архитектором стал социалист. Если говорить о русском храме в Париже, для меня это было, как пойти на встречу с моей родиной. Показать на что Россия способна; найти компромисс между традицией и современностью. То, что было на самом деле темой конкурса. Архитектурный жест, который покажет французам, что православная современная Россия может понять современность по-своему. Этим проектом мы доказывали, что Россия может показать миру что-то новое. Даже не белые – серовато-бежевые. Советские конструктивисты, супрематисты дали миру «пищи» по сегодняшний день. Разрушенный Советский Союз дал намного больше миру, чем 25 лет существования современных архитекторов с западными технологиями и огромными деньгами. Когда я вижу Сити на силуэте Москвы, то думаю: Боже мой, какая мизерабель-

ность, бедность, нищета ума. Православной культуре просто необходима именно культура образа. Она даже больше важна, чем сама религия, потому что православный человек молится на образ. Еврей или араб может молиться просто куда-то в стенку, у него отношение с божеством полуабстрактное. У русского оно почти языческое, такое, как у нас, у католиков – оно красивое. Когда я работал над православным проектом, парижским, я мог посмотреть, как всё начиналось в Киевской Руси, я мог посмотреть, как всё начиналось в Севастополе, особенно Крещение Владимира. И потом уже вся остальная история, которую мы хорошо знаем. По-

смотреть эти первые памятники русского православия для меня было очень важно. И я примирился с православием, потому что оно мне понравилось.

Р.Н.: А Вы католик?

М. Н.-Я.: Я католик. Меня нужно было крестить, иначе я бы не смог учиться. В Испании, в 1957 году, когда мы приехали туда, была фашистская диктатура. Если вы не были крещёным, вы не имели право учиться, просто учиться в школе. Вы не были признаны как человек, потому что вы не были крещёным. Когда я увидел вашу Софию Византийскую, я смирился. Не то что с религией, я никак не могу смириться с ней, но с православием, потому что оно пышное, оно красивое. Оно весёлое, оно жизнерадостное, о чём я и говорил епископам. Мне понравилось праздничное православие. И работая над этим проектом, я подумал, что это стоит показать католикам, которые вырезали протестантов. Я был окрылён, будучи даже марксистом-ленинистом. Я понял интуитивно или почувствовал то, что сохранилось во мне, – моё отношение к этим маковкам. Мне всегда православная архитектура казалась интересной, потому что она почти игрушечная, в отличие от устрашающей готики.

Р.Н.: Каков должен быть современный русский храм?

М. Н.-Я.: Что такого красивого в проекте русского храма, что именно он был в масштабе русской религии, в которой на самом деле всё происходит внутри, а не снаружи. Снаружи вот эти бонбоньерки, маковки и другие детали. Это очень красиво. Хайтековский покров Девы Марии, которая летит над Парижем... Это красиво, а если внутри, то это было бы уникально. Почему? Потому что я понял, что такое православие, – это религия, которая порхает вокруг верующего человека. И она не где-то там, в готических сводах, она – над головами людей.

Белокаменное можно сделать из белого стекла. Я думал, что сделаю белые стёкла снаружи. Парижанин, гуляя по улице, увидит белокаменный храм – шикарный, матовый, белый цвет. Стекло даст эту плоскость, не пористую, а гладкую, чистую. Белый immaculatus – чистейший, непорочный от латинского «без грязи». И, с другой стороны, потом внутри будут другие стёкла. Во-первых, для того, чтобы изолировать акустически или термически здание. Это очень важно, потому что тыходишь в совершенно другой мир, и ты не должен слушать внутри пожарные команды, полицейские машины и так далее. Звукоизоляция должна быть полной. Именно стекло даёт это, как в современных аэропортах. А внутри люди входили бы в живопись. В Византии не было живописи, была мозаика. Была, конечно, идея

выложить весь внутренний фасад мозаикой. Что тогда произошло бы? Днём храм получает освещение снаружи. И когда вы заходите в него, вся эта мозаика освещена непонятным светом. На самом деле она подсвечена Парижем, который пропускает солнечное освещение. И тусклый парижский туман, дождь и слякоть, но эти святые светятся, светят на человека, на верующего, который заходит в храм. А

ночью, когда зажигаются свечи, огни, тогда человек, идущий по ночному Парижу, вдруг увидит эти белокаменные стены, на которых проступают лики. Не вся икона, потому что есть стеклянные фильтры. Тогда это был бы удар по католической французской религии, потому что появилось бы прозрачное православие.

Текст подготовила
Наталья Шематинова